

Научная статья
УДК 821.161.1.09“18”
DOI: 10.15393/j9.art.2021.9682

Идея «вырождения» в поэтике и криптопоэтике

А. П. Чехова

А. В. Кубасов

*Уральский государственный педагогический университет
(г. Екатеринбург, Российская Федерация)*

e-mail: kubas2002@mail.ru

Аннотация. Теория «вырождения» приобрела актуальность в конце XIX века и пришла на русскую почву из Западной Европы. Там она была представлена именами, прежде всего, Чезаре Ломброзо и его популяризатором, автором книги «Вырождение», Максом Нордау, который иллюстрировал вырождение на материале творчества выдающихся представителей европейского искусства, в том числе Льва Толстого. Книга имела шумный успех в России и обсуждалась в многочисленных журнальных рецензиях. Чехов принял участие в полемике в имплицитной форме. Зашифрованный отзыв писателя о модной теории вырождения обнаруживается в образе доктора Дорна. Это позволяет говорить об элементах криптопоэтики Чехова. Фамилия героя «Чайки» рассматривается как трансформа фамилии Нордау. Анализ поведения и речи Дорна позволяет утверждать, что с их помощью автор пьесы выражает свою позицию о «нервном веке» и связанными с ним утомлении и вырождении. Интертекстуально выраженная полемика Чехова с Нордау позволяет определить роль Дорна как скрытого трикстера, что созвучно с авторским определением «Чайки» как комедии.

Ключевые слова: А. П. Чехов, Макс Нордау, теория вырождения, «Чайка», криптопоэтика, интертекст, полемика, ирония, пародия

Благодарность: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21-18-00481, ИРЛИ РАН).

Для цитирования: Кубасов А. В. Идея «вырождения» в поэтике и криптопоэтике А. П. Чехова // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 3. С. 206–221. DOI: 10.15393/j9.art.2021.9682

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2021.9682

A. P. Chekhov and the Concept of “Degeneration”: to the Problem of Crypto poetics of Russian Literature

Alexander V. Kubasov

Ural State Pedagogical University
(Yekaterinburg, Russian Federation)

e-mail: kubas2002@mail.ru

Abstract. The concept of “degeneration” is associated with the fin-de-siècle period and came to Russian soil from Western Europe. First and foremost, it was represented there by Cesare Lombroso and his popularizer, the author of the book *Degeneration*, Max Nordau. The concept of degeneracy was studied by the scientist using the work of outstanding representatives of European art, including Leo Tolstoy. The book was a scandalous success in Russia and a subject of numerous magazine reviews. Chekhov implicitly participated in this polemic. The writer’s cryptic review of the fashionable problem of degeneracy can be seen in the image of Dr. Dorn, which allows to examine the elements of Chekhov’s crypto poetics. The surname of this character in *The Seagull* is considered as a transformation of the surname Nordau. An analysis of Dorn’s behavior and speech suggests that the author of the play uses it to express his position regarding the “nervous age” and the fatigue and degeneration associated with it. The intertextually expressed polemic between Chekhov and Nordau allows to define the role of Dorn as a hidden trickster. This is an additional argument that proves the validity of the author’s definition of *The Seagull* as a comedy.

Keywords: A. P. Chekhov, Max Nordau, the concept of degeneracy, “The Seagull”, crypto poetics, intertext, artistic polemics, irony

Acknowledgments: The reported study was funded by Russian Science Foundation (RSF), project number 21-18-00481.

For citation: Kubasov A. V. A. P. Chekhov and the Concept of “Degeneration”: to the Problem of Crypto poetics of Russian Literature. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2021, vol. 19, no. 3, pp. 206–221. DOI: 10.15393/j9.art.2021.9682 (In Russ.)

К онец позапрошлого века был отмечен бурным развитием медицинской науки. В России того времени она представлена такими учеными, как С. П. Боткин, А. Я. Кожевников, С. С. Корсаков, И. П. Мержеевский, Г. И. Россолимо и др. За рубежом их современниками были Ж. М. Шарко, Ч. Ломброзо, Э. Крепелин. В это же время появляются научно-популярные работы, рассчитанные на широкий круг читателей. Одной

из них стала книга Макса Нордау «Вырождение» (нем. *Entartung*, 1892)¹. Она получила широкий резонанс не столько в научной, сколько в художественной литературе и в критике, поскольку Нордау одним из первых соединил в книге медицину и искусство.

Ко времени появления книг Нордау в России была подготовлена необходимая почва для восприятия его идей. Толки о нервности, психопатии и вырождении как приметах современности так или иначе звучали в разных книгах и статьях. В 1886 г. вышел сборник «О женщинах», составленный К. А. Скальковским, который сочувственно излагает мысли из французской книги «*Le femmes et la fin du monde*», опубликованной анонимно, и солидаризируется с автором в том, что «вырождение человеческой расы идет быстрыми шагами, а затем, естественно, наступит конец света, конечно, в смысле физиологии общества» (Скальковский: 14).

Н. К. Михайловский резко негативно оценил модную концепцию:

«Все нелепые мысли и несуразные образы, которые Нордау встречает у символистов, равно как и их тяготение к мистицизму, он ставит на счет вырождению, что и подтверждает более или менее искусно подобранными, но отнюдь не всегда доказательными ссылками на невропатологическую и психиатрическую литературу» (Михайловский: 185).

Для критика анализ художественных явлений, сделанный Нордау-врачом, с помощью психиатрии и невропатологии не вполне легитимен. Он считал, что причины упадка и новых течений современной литературы следует объяснять социально-политическими процессами.

В работе Л. Е. Оболенского предложен анализ методологии Нордау, который признается одним из представителей «новейшей псевдонауки» (Оболенский: 125). В том же 1893 г. И. И. Иванов писал:

«Нордау подробно изучил декадентов, прерафаэлитов, символистов, вагнероманов — изучил душевные расстройства по всем областям творческой деятельности, — и пришел к заключению, — “близок конец”. Искусство выродилось, и окончательное

исчезновение его из обихода человеческой культуры — только вопрос времени» (Иванов: 135).

Самый глубокий анализ книги «Вырождение» был сделан Р. И. Сементковским. Он обратился к ключевой категории работы Нордау, «ибо если нельзя установить точного понятия о вырождении, то трудно или невозможно причислить данного писателя или художника к выродившимся субъектам» (Сементковский: 179). Вырождение, констатирует критик, явление производное, оно есть следствие утомления: «Основная причина вырождения, истеричности и неврастении заключается, по мнению Нордау, в утомлении». Это, считает Сементковский, слишком шаткое основание, на котором «строит Нордау здание столь широких и шумных своих обобщений» (Сементковский: 180).

Современное литературоведение отличает гораздо более взвешенный подход к проблеме вырождения и к книге Макса Нордау, что обусловлено во многом ретроспективным взглядом на нее.

Риккардо Николози, автор монографии «Вырождение: литература и психиатрия в русской культуре конца XIX века», пишет:

«В литературе, прежде всего в натурализме, концепция вырождения — как мотив, структурная модель индивидуальных и коллективных патологий, а также как принцип сюжетосложения — выступает одной из самых распространенных составляющих (био)социального романа. Такое взаимодействие литературы и психиатрии во многом способствует формированию дискурса о вырождении, служащего европейской культуре *fin de siècle* инструментом концептуализации “изнанки прогресса”, т. е. всей совокупности свойственных модерну девиаций и аномалий» [Николози: 7].

Если Нордау связывал «дискурс о вырождении» с ведущими именами европейской культуры конца века, то Николози усматривает его в творчестве писателей второго ряда (П. Д. Боборыкина, И. И. Ясинского, Д. Н. Мамина-Сибиряка) или в отдельных произведениях классиков.

Уильям Гринслейд анализирует отражение идеи вырождения в творчестве таких авторов, как Томас Гарди, Конан Дойл, Конрад и ряда других [Greenslade]. Нордау и его учителю Ломброзо он посвятил две главы монографии, хронологические рамки (1880–1940) которой отмечают границы влияния идеи вырождения на английскую литературу.

М. М. Одесская, рассматривая связь концепции Нордау с литературой конца века, задает контекст, представленный произведениями Чехова, Ибсена и Стриндберга:

«Хотя ни Стриндберг, ни Чехов не попадают в поле зрения немецкого психиатра, симптомы болезни века, а также отношение к поднятым автором “Вырождения” проблемам художественного творчества можно найти как в произведениях, так и в высказываниях каждого из трех писателей» [Одесская: 212].

Чехов был активным участником полемики, возникшей в связи с обсуждением идеи вырождения, обусловленного утомлением. Форма его участия в этом споре была по преимуществу имплицитна — с помощью художественного дискурса. Скрытый характер участия Чехова в дискуссионной проблеме позволяет говорить о криптопоэтике как одной из особенностей его творчества.

Криптопоэтика связана с различного рода «загадками», кажущимися сюжетными недоразумениями, странностями, неувязками, а главное — внешней немотивированностью тех или иных эпизодов, деталей, слов героев, которые обретают мотивировку при обращении к интертексту (см. об этом: [Кибальник], [Ларин]).

Комедия Чехова «Чайка» по-своему энциклопедична, один из содержательных компонентов ее связан с выражением авторской позиции по проблеме вырождения криптографическими средствами. Реализация ее связана с образом доктора Дорна.

В его фамилии слышится что-то нерусское, хотя сам Евгений Сергеевич ничем иностранным не отличается. Доктора хорошо знают в имении Сорина и в его окрестностях. Как врач, он был обязан лечить многих. Единственный зарубежный

эпизод в его биографии — это поездка в Италию и предпочтение, отданное Генуе. Фамилия *Дорн* задает импульс для поиска художественного целеполагания.

Чехов на протяжении длительного времени развивал и усложнял определенный комплекс литературных приемов. Один из них — метатеза в фамилии героя по отношению к производящему слову-донору. В марте 1892 г. Чехов писал Е. М. Шавровой: «Изменил я также и подпись, переставив буквы, на случай если сотрудничество в “малой” прессе покажется Вам немножко мове́»².

Чехов использовал метатезу как форму маскировки подлинного референциального значения фамилии писательницы и шире — именованного в целом.

Слово *норд* из фамилии *Дорн* образуется благодаря перестановке первой и последней букв. В свою очередь *норд* из *Нордау* формируется за счет усечения последних двух букв. Такой прием можно найти в рассказе Чехова «Событие» (1886). Приведем финальную фразу этого квазидетского рассказа:

«Ваня и Нина ложатся спать, плачут и долго думают об обиженной кошке и жестоком, наглom, ненаказанном *Неро* (курсив мой. — А. К.)» (С: V, 428).

Характеристика бездушной собаки, съевшей котят, вполне подходит и для такого исторического персонажа, как *Неро* (н).

У *Дорна* нордический характер. Прямое значение этого выражения обусловлено географическим фактором: это набор черт, свойственный жителям североευропейских стран. Употребляется это словосочетание и как идиома. В этом случае его значение можно передать словами: *сдержанный, холодный, равнодушный, скептический, циничный*.

Холодноватый характер доктора *Дорна* (*Норда*) прямо не утверждается ни в репликах персонажей, ни в ремарках, ни в словах самого героя, но его чувствуют и отмечают интерпретаторы пьесы. Так, чешский режиссер *Отмар Крейча* пишет о *Дорне*: «Как отшлифована его порядочность, его честность — они его форма. И какой самодисциплины, внешней и внутренней этот человек, какой в нем “воспитанный”»

холод и какое искусство не подчиняться обстоятельствам, ничего не выдать в себе» [Крейча: 142].

Следствием холодности и иронии является скепсис. Скептицизм Чехова во многом был обусловлен его медицинским образованием и профессией доктора. В одном из «маленьких писем» А. С. Суворин признает скептицизм профессиональной приметой врачей: «Я говорю о врачах скептиках, а их у нас достаточно» (*Суворин*: 113). Быть может, такой вывод родился у Суворина не только на основе его личных наблюдений, но и из бесед с доктором Чеховым. Скептицизм и ироничность Дорна, как и его «воспитанный холод», представляются достаточно очевидными.

Мог ли Чехов в фамилии *Нордау* увидеть «зашифрованное» в нем слово *норд*? Вполне вероятно. Если игровой элемент с фамилиями *Нордау* — *Дорн* действительно присутствует, то связь героя пьесы с иностранным ученым должна иметь и более глубокие основания и выходить за рамки формальной трансформации антропонима. Возникают следующие вопросы: есть ли смысловая связь Дорна с *Нордау*? Если есть, то в какой форме она реализована в «Чайке» и для какой цели?

Для библиотеки в Таганроге Чеховым были приобретены две книги *Нордау*: «В поисках истины» и «Вырождение» (*П*: VI, 239). Это является косвенным доказательством того, что данные работы были писателю известны.

27 марта 1894 года Чехов пишет Суворину из Ялты:

«Быть может, оттого, что я не курю, толстовская мораль перестала меня трогать, в глубине души я отношусь к ней недружелюбно, и это конечно несправедливо. <...> Я любил умных людей, нервность, вежливость, остроумие, а к тому, что люди ковыряли мозоли и что их портянки издавали удушливый запах, я относился так же безразлично, как к тому, что барышни по утрам ходят в папильотках. Но толстовская философия сильно трогала меня, владела мною лет 6–7, и действовали на меня не основные положения, которые были мне известны и раньше, а толстовская манера выражаться, рассудительность и, вероятно, гипнотизм своего рода. Теперь же во мне что-то протестует; расчетливость и справедливость говорят мне, что в электричестве и паре любви к человеку больше, чем в целомудрии и в воздержании от мяса. Война зло и суд зло, но из этого не следует,

что я должен ходить в лаптях и спать на печи вместе с работником и его женой и проч. и проч. Но дело не в этом, не в “за и против”, а в том, что так или иначе, а для меня Толстой уже уплыл, его в душе моей нет, и он вышел из меня, сказав: се оставляю дом ваш пуст. Я свободен от постоя. Рассуждения всякие мне надоели, а *таких свистунов, как Макс Нордау, я читаю просто с отвращением*» (курсив мой. — А. К.) (П: V, 283–284).

Письмо позволяет многое объяснить в отношении Чехова к Нордау, где он упомянут в контексте рассуждений о Толстом и росте чувства внутренней свободы. Нордау приведен как образец опошления сложных проблем. Отчасти это объясняется контекстом книги «Вырождение», в которой отдельная глава посвящена Толстому. Прямая оценка Чеховым теории Нордау зафиксирована в воспоминаниях А. Б. Тараховского:

«Заговорили о неврастении и вырождении. — Никакого вырождения нет, — сказал А. П., — это всё Макс Нордау выдумал» (П: V, 534).

Сходную по смыслу фразу, но уже о Золя, воспроизвел в мемуарах А. И. Куприн:

«Помню я, как однажды он рассердился, когда кто-то начал свысока третировать медицину по роману Золя “Доктор Паскаль”. — Золя ваш ничего не понимает и все выдумывает у себя в кабинете, — сказал он, волнуясь и покашливая» (Куприн: 533).

Золя и Нордау оба игнорируют достижения «естественных наук» и «выдумывают» то, чего на самом деле нет.

Нордау, по слову Чехова, *свистун*. Почти во всех пьесах Чехова есть герои, которые свистят («Безотцовщина», «Дядя Ваня», «Чайка», «Три сестры»). Свист благодаря невербальной форме означающего может являться замещением довольно широкого по содержательному и интонационному диапазону означаемого, которое конкретизируется в контексте. Поэтому свист находится на границе словесного и несловесного начал. Перевод его в вербальную форму затруднен из-за нулевой формы означающего. Словесный эквивалент свиста всегда в той или иной степени приблизителен и не может быть абсолютно адекватным ему.

Если свист может выполнять функцию субститута слов, которые лишь подразумеваются или предполагаются на основе контекста, то должен быть справедлив и обратный тезис: некоторые слова могут выступать субститутом свиста. Что это за слова? В функции свиста, на наш взгляд, могут выступать фразы, кажущиеся в пьесах Чехова «случайными», не связанными с актуальной коммуникативной ситуацией. Зачастую именно они являются сигналами криптографического письма. В «Дяде Ване» это реплика Астрова про Африку, а в «Чайке» — строки из романсов, которые напевает Дорн.

Поли́на Андре́евна. Вы не бережете себя. Это упрямство. Вы — доктор и отлично знаете, что вам вреден сырой воздух, но вам хочется, чтобы я страдала; вы нарочно просидели вчера весь вечер на террасе...

Дорн (*напевает*). «Не говори, что молодость стубила»

Поли́на Андре́евна. Вы были так увлечены разговором с Ириной Николаевной... вы не замечали холода. Признайтесь, она вам нравится...

Дорн. Мне 55 лет.

Поли́на Андре́евна. Пустяки, для мужчины это не старость. Вы прекрасно сохранились и еще нравитесь женщинам.

Дорн. Так что же вам угодно?

Поли́на Андре́евна. Перед актрисой вы все готовы падать ниц. Все!

Дорн (*напевает*). «Я вновь пред тобою...» Если в обществе любят артистов и относятся к ним иначе, чем, например, к купцам, то это в порядке вещей. Это — идеализм» (С: XIII, 11–12).

Ремарка *напевает* и строчка романса выражают спор Дорна с Полиной Андреевной, но доктору не хочется полемизировать, потому что словесное объяснение, вероятно, уже не раз бывало.

«Ма́ша. А у меня такое чувство, как будто я родилась уже давно-давно; жизнь свою я тащу во́локом, как бесконечный шлейф... И часто не бывает никакой охоты жить. (*Садится*.) Конечно, это все пустяки. Надо встряхнуться, сбросить с себя все это.

Дорн (*напевает тихо*). «Расскажите вы ей, цветы мои...» (С: XIII, 21).

При сходстве содержания все три случая различаются по подаче материала и по оттенкам смысла. В последнем фрагменте Дорн *напевает тихо*, то есть во многом для себя, а не для Маши и Аркадиной. Строчка из романса предстает как форма внутреннего спора, несогласия доктора с обеими женщинами. То, что напевает Дорн, он мог бы передать и свистом. Смысл был бы приблизительно тот же.

Дорн, как и Макс Нордау, тоже может быть признан *свистуном*, но не как пустослов, а как скрытый полемист. В реальном сюжете комедии он негласно спорит то с Полиной Андреевной, то с Аркадиной, то с Машей, тогда как в «сюжете возможном» [Бочаров: 17-77], который строится на основе интертекста, скрыта полемика уже не с персонажами художественного мира, а с лицами из эмпирической действительности. В этом случае спор выходит на другой уровень, и к полемике с тем же Нордау подключается уже биографический автор.

Первое действие «Чайки» заканчивает диалог Дорна и Маши. На признание Маши доктор отвечает:

«Д о р н. *Как все нервны! Как все нервны! И сколько любви...* (курсив мой. — А. К.) О, колдовское озеро! (*Нежно.*) Но что же я могу сделать, дитя мое? Что? Что?» (С: XIII, 20).

Дорн связывает воедино нервность и любовь — родственные чувства, взаимно обуславливающие друг друга. При этом любовь продуцируется во многом благодаря «колдовскому озеру». И подобно тому, как любовь — вечное вневременное чувство, так и связанная с ним нервность тоже не может быть признана приметой того или иного времени. Здесь тоже очевидна имплицитная полемика Чехова с Нордау, для которого нервность, утомление и вырождение — отличительные черты конца века.

Полемика с авторами, утверждающими наступление «нервного века», проявляется в будничных разговорах героев:

«Д о р н (*Нине, которая подходит*). Как там?

Н и н а. Ирина Николаевна плачет, а у Петра Николаевича астма.

Д о р н (*встает*). Пойти дать обоим валериановых капель...» (С: XIII, 26).

За десять лет до «Чайки», создавая иронию за счет метатезы, Чехов писал Лейкину: «Ваши припадки берут свое начало от невров (у Вас ведь не нервы, а невроы)» (П: I, 277). У Аркадиной и ее брата тоже разыгрались «невроы», поэтому очевиден скептицизм Дорна по отношению к их обладателям, а «валерьяновые капли» воспринимаются не как лекарство, а как плацебо, действующее внушением и традицией употребления.

Авторскую позицию в «Чайке» невозможно вывести без учета широкого литературно-художественного контекста, заданного в пьесе имплицитными отсылками в сторону разных современников, без разветвленного интертекста, отражающего диалог Чехова с авторитетными и популярными идеями времени. Линия «доктор Дорн и Макс Нордау» — лишь одна из «веток» на этом древе. Вряд ли можно согласиться с мнением Дональда Рейффилда, который писал: «Авторская позиция в пьесе принадлежит доктору Дорну, который смотрит на все и вся с насмешливым сочувствием и отваживает добывающихся его женщин» [Рейффилд: 326].

Авторская позиция растворена во всем тексте комедии. Она не поддается однозначному выведению из того или иного образа и не выражается прямо в каких-либо высказываниях персонажей.

У Дорна очевидны несколько статусно-ролевых положений: он доктор, бывший провинциальный *jeune premier*, сосед Сорина... Если принять во внимание интертекстуально выраженную полемику Чехова с Нордау, то открывается еще одна, собственно литературная роль героя: Дорна можно истолковать как скрытого трикстера. И это, наряду с другими факторами, объясняет авторское жанровое определение «Чайки» — *комедия*.

Скептицизм Чехова по отношению к вырождению и связанному с ним утомлению есть не только в «Чайке». Обратимся к первой фразе «Черного монаха», в которой содержится отсылка к модной проблеме:

«Андрей Васильич Коврин, магистр, утомился и расстроил себе нервы» (курсив мой. — А. К.) (С: VIII, 226).

Внешне нейтральная фраза, кажущаяся только информационной, таит в себе небольшую долю иронии, которая раскрывается в контексте журнально-газетных дебатов того времени.

Было бы упрощением утверждать, что Чехов только иронизировал над утомлением, охватившим русское общество. Сложность позиции писателя в том, что его ирония не отвергала и серьезного подхода к проблеме. Утомление и вырождение в восприятии Чехова предстают как явления антиномичные, имеющие логически равноправное обоснование, заслуживающие как серьезного отношения, так и иронического.

Утомление как знамение 80-х гг. XIX в. представлено в «Иванове», то есть еще до широкой известности в России работ Нордау. Достаточно нескольких цитат из писем Чехова, чтобы понять, что позже он будет иронизировать над тем же, над чем ранее серьезно размышлял. Ко времени завершения пьесы утомление еще не стало очевидным для всех феноменом.

Приведем выдержки из писем Чехова:

«Для молодого человека, утомленного жизнью, не убедительны никакие аргументы, никакие ссылки на бога, мать и проч. Утомление — это сила, с которой надо считаться» (курсив мой. — А. К.) (П: III, 99).

«Настоящее всегда хуже прошлого. Почему? Потому что русская возбудимость имеет одно специфическое свойство: ее быстро сменяет утомляемость» (курсив мой. — А. К.) (П: III, 109).

«К утомлению, скуке и чувству вины прибавьте еще одного врага. Это — одиночество» (курсив мой. — А. К.) (П: III, 111).

Особенно важен один фрагмент:

«Когда я писал пьесу, то имел в виду только то, что нужно, то есть одни только типичные русские черты. Так, чрезмерная возбудимость, чувство вины, утомляемость — чисто русские. Немцы никогда не возбуждаются, и потому Германия не знает ни разочарованных, ни лишних, ни утомленных... Возбудимость французов держится постоянно на одной и той же высоте...» (курсив мой. — А. К.) (П: III, 115).

Чехов мог заметить отличие позиции Нордау: автор «Вырождения» полагал, что утомление носит универсальный паневропейский характер, Чехов же утверждал его типичность для России и атипичность для Германии и Франции.

Оборотная сторона отношения к вырождению и утомлению, связанная с иронической модальностью, усилится в художественных произведениях Чехова, написанных после публикации в России работ Нордау. Оценочные акценты сместятся с утверждения серьезного характера явления на ироническое его освещение. При этом важно принимать во внимание, кто, как и в какой ситуации говорит о нервности и вырождении, не забывая различать позиции автора и героев.

Позиция Чехова, касающаяся нервности, утомления и вырождения, выражалась как криптографическими средствами в художественных произведениях, так и прямо. Она отражена в письме Е. М. Шавровой от 28 февраля 1895 года, то есть во время работы над «Чайкой»:

«Чтобы решать вопросы, наприм<ер>, о вырождении, психозах и т. п., надо быть знакомым с ними научно. <...> Лично для себя я держусь такого правила: изображаю больных лишь постольку, поскольку они являются характерами или постольку они картинны. Болезнями же я боюсь запугивать. *“Нашего нервного века” я не признаю, так как во все века человечество было нервно.* Кто боится нервности, тот пусть обратится в осетра или в корюшку; если осетр сделает глупость или подлость, то лишь одну: попадет на крючок, а потом в селянку с расстегаем» (курсив мой. — А. К.) (П: VI, 29–30).

Различного рода психологические патологии со времен романтизма были предметами изображения в художественной литературе. При этом следует помнить о том, что «патология в искусстве претворяется в образ, <...> меняет свою эстетическую природу» [Захаров: 104]. Доктор и писатель Чехов всегда ясно различал болезнь и образ болезни, больного и образ больного, нервы и «невры». Концепция вырождения, утомления и «нервного века» была для него проблемой, которую можно и нужно критиковать, но нельзя игнорировать, поскольку она стала явлением массовой культуры общества времени *fin de siècle*.

Источники

Нордау — Нордау Макс Вырождение (Entartung) / пер. с нем. под ред. и с предисл. Р. И. Сементковского. СПб.: Изд. Ф. Павленкова, 1894. 543 с.

Иванов — Иванов Ив. О будущем художественного творчества // Артист. 1893. № 31. Кн. 11. С. 134–141.

Куприн — Куприн А. И. Памяти Чехова // Чехов в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит., 1986. С. 507–535.

Михайловский — Михайловский Н. К. Литература и жизнь // Русская мысль. 1893. № 4. С. 176–208 (вторая пагинация).

Оболенский — Оболенский Л. Е. Новейшая псевдо-наука // Русская мысль. 1893. № 11. С. 122–142 (вторая пагинация).

Сементковский — Сементковский Р. И. Вырождение или невежество? // Исторический вестник 1894. № 55. С. 177–197.

Скальковский — Скальковский К. А.(?) О женщинах. Мысли старые и новые. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1886. 408 с.

Суворин — Суворин А. С. В ожидании века XX. Маленькие письма (1889–1903). М.: Алгоритм, 2005. 1024 с.

Примечания

¹ См.: (*Нордау*).

² Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. Письма: в 12 т. М.: Наука, 1974–1983. Письма. Т. V. С. 35. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с обозначением С (Сочинения), П (Письма), указанием тома и страницы в круглых скобках.

Список литературы

1. Бочаров С. Г. О возможном сюжете: «Евгений Онегин» // Бочаров С. Г. Сюжеты русской литературы. М., 1999. С. 17–77.
2. Захаров В. Н. Поэтика безумия у Пушкина, Гоголя, Достоевского (полемиические заметки) // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 2. С. 92–106 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1621013677.pdf (15.05.2021). DOI: 10.15393/j9.art.2021.9642
3. Кибальник С. А. Чеховская «Попрыгунья» как криптопародия на «Мадам Бовари» // Известия российской академии наук. Серия литературы и языка. 2012. Т. 71. № 2. С. 52–57.
4. Крейча О. «Обратите внимание...» (Фрагменты книги) / пер. с чешского Г. Коваленко // Чеховиана. Мелиховские труды и дни. М.: Наука, 1995. С. 133–153.
5. Ларин С. А. Криптопоэтика русской литературы. Воронеж: Издат. дом ВГУ, 2019. 110 с.
6. Николози Р. Вырождение: литература и психиатрия в русской культуре конца XIX века / авториз. пер. с нем. Н. Ставрогиной. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 509 с.
7. Рейфилд Д. Жизнь Антона Чехова / пер. с англ. О. Макаровой. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2014. 896 с.
8. Одесская М. М. Ибсен, Стриндберг, Чехов в свете концепции вырождения Макса Нордау // Ибсен, Стриндберг, Чехов: сб. ст. М.: Изд-во РГГУ, 2007. С. 211–226.
9. Greenslade W. Degeneration, Culture and the Novel: 1880–1940. Cambridge: Cambridge University Press. 1994. 372 p.

References

1. Bocharov S. G. About a Possible Plot: “Eugene Onegin”. In: *Bocharov S. G. Syuzhety russkoy literatury* [Bocharov S. G. *Subjects of Russian Literature*]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1999. pp. 17–77. (In Russ.)
2. Zakharov V. N. The Poetics of Madness in Pushkin, Gogol, Dostoevsky (Polemic Notes). In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2021, vol. 19, no. 2, pp. 92–106. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1621013677.pdf (accessed on May 15, 2021). DOI: 10.15393/j9.art.2021.9642 (In Russ.)
3. Kibal'nik S. A. Chekhov's “The Grasshopper” as a Cryptographic Parody of “Madame Bovary”. In: *Izvestiya rossiyskoy akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Studies in Language and Literature], 2012, vol. 71, no. 2, pp. 52–57. (In Russ.)
4. Kreycha O. “Pay attention...” (Fragments of the Book). In: *Chekhoviana. Melikhovskie trudy i dni* [Chekhoviana. Works and Days in Melikhovo]. Moscow, Nauka Publ., 1995, pp. 133–153. (In Russ.)
5. Larin S. A. *Kriptopoetika russkoy literatury* [Cryptopoetics of Russian Literature]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 2019. 110 p. (In Russ.)

6. Nikoloji R. *Vyrozhdenie: literatura i psikhiiatriya v russkoy kul'ture kontsa XIX veka* [*Degeneration: Literature and Psychiatry in Russian Culture of the Late 19th Century*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2019. 509 p. (In Russ.)
7. Rayfield D. *Zhizn' Antona Chekhova* [*The Life of Anton Chekhov*]. Moscow, KoLibri Publ., Azbuka-Attikus Publ., 2014. 896 p. (In Russ.)
8. Odesskaya M. M. Ibsen, Strindberg, Chekhov in the Max Nordau's Concept of Degeneracy. In: *Ibsen, Strindberg, Chekhov*. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2007, pp. 211–226. (In Russ.)
9. Greenslade W. *Degeneration, Culture and the Novel: 1880–1940*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 1994. 372 p. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Кубасов Александр Васильевич, *Alexander V. Kubasov*, PhD (Филологический факультет, профессор, заведующий кафедрой теории и методики обучения лиц с ограниченными возможностями здоровья, Уральский государственный педагогический университет (пр. Космонавтов, 26, г. Екатеринбург, Российская Федерация, 620017); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9074-1133>; e-mail: kubas2002@mail.ru).

Поступила в редакцию / Received 03.06.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 25.07.2021

Принята к публикации / Accepted 02.08.2021

Дата публикации / Date of publication 30.09.2021